

Второе пришествие старинного жанра

Расширяющаяся галактика русского романса и ее новые обитатели

Наталья Арт

Свет, идущий от русской культуры – от Тютчева и Бунина, Ахматовой и Блока, Цветаевой и Гумилева, – продолжает освещать грустные сумерки нашего отечества и в сегодняшний, совсем негармонический и немusыкальный исторический момент. Правда, мы настолько преуспели в коллективном и личном манкуртстве, что этот мир – абсолютно наш, давно освоенный и пережитый – кажется сегодня далекой Галактикой, которую надо открывать заново. Хорошо, что появляются люди, спо-

рации, в том числе внутренней, и жизни в подполье чудом уцелел и продолжает жить в наше смутное время. Можно надеяться, что сегодня он после волны 60–70-х годов XX века переживает второе рождение и мы являемся свидетелями его второго пришествия. В 60-х годах интерес к романсу поддерживался бурным развитием бардовской песни, поэзией шестидесятников, чьи стихи почти мгновенно становились балладами и романсами, органично вписываясь в русскую культурную традицию. Теперь, все смелее осваивая это огромное пространство, мы открыли для себя запрещенный мир Белой

Романс – не жанр, а целый мир национальной культуры

собные вернуть нам наше собственное наследство...

Пока телеэкраны и эстраду захлестывают агрессивно-глупая попса, блатные или эковские песни, некие вирши, наспех слепленные со «звуками му», самые стойкие москвичи осмеливаются тайно любить русский романс. Да, любовь эта почти тайная, поскольку публика и исполнители, подобно первым христианам, собиравшимся в пещерах, собираются в негромких залах, в театрах и театриках с небольшой сценой, куда приходят только те, кто точно знает, что его ждут открытия. Что поразительно, эти открытия действительно происходят.

Мир русского романса после почти трех веков своей скитальческой жизни и даже эми-

гвардии, русской трагедии XX века и русской эмиграции и традиционные духовные песнопения.

Несомненно, первооткрывателем здесь была прежде всего Жанна Бичевская, чье служение России до сих пор не оценено по достоинству. Те, кто знаком с новыми открытиями в ее творчестве – циклами «Русская Голгофа» и «Верую», – понимают, о чем идет речь: о новом измерении. И потому сегодня особенно ясно понимаешь, что русский романс – это на самом деле не жанр, а целый мир национальной духовной культуры, равный расширяющейся Галактике, где друг с другом неразрывно связаны народная и городская песенные традиции, баллада, авторская песня и духовные

Певец и композитор Александр Данилов.

Фото Александра Шалгина (НГ-фото)

песнопения. Очень долго в этой Галактике, открытой и заново воссозданной Бичевской, существовала только она одна, но относительно недавно на этой территории стали появляться и другие «пришельцы». Один из них – московский певец и композитор Александр Данилов.

Художественная и интеллектуальная Москва давно откры-

ла для себя это имя, тем более что пришелец оказался свой – коренной москвич с Пятницкой, родившийся в семье с казачьими корнями, где любили и умели петь. Впрочем, как и в обычном московском дворе его детства, где по сию пору не забыли, как это делается.

Александр Данилов учился в Государственном институте те-

атрального искусства имени Луначарского по специальности «актер музыкального театра» (слава богу, ничего «актерского» в манере Данилова нет), затем окончил Духовную академию, много выступал и гастролировал. Начиная свою музыкальную карьеру, как водится, с бардовских песен, почему и был замечен мэтром Владимиром

Берковским: в личном архиве до сих пор бережно хранится листок с нотами «Под музыку Вивальди» с подписью: «Саше Данилову – с уважением, Берковский, 1987 г.».

В мире бардов можно было оставаться до седин – неплохой, в сущности, мир, уже обжитой, не хуже других, к тому же давно освоен не только элитой и быв-

шей фрондой, но и народом (что всегда ценно). Но тут случилось нечто для посторонних глаз непредвиденное: Александр Данилов неведомо как и неведомо почему совершил прыжок в другую реальность, где романсы, песни и баллады становятся вдруг духовной песней, личной проповедью – без скуки и занудства. Хотя никаких глобальных потрясений он лично не пережил: человек с типичной московской внешностью, у которого внешне все складывалось довольно благополучно.

Прыжок в другую реальность был документально зафиксирован: два года назад вышел первый диск Александра Данилова, который разошелся мгновенно, – и московская публика тут же оценила и высокий профессионализм, и ставшие, не побоюсь этого слова, шедеврами романсы на стихи Бунина, Тютчева, Фета и Балтрушайтиса. Самым поразительным оказалось точное «извлечение» скрытой в стихах музыки – казалось, что ее никто и не писал специально, она просто существовала всегда, сама по себе, только нашелся наконец человек, который смог ее услышать и записать нотами. На первом диске высокая классика органично соседствовала с песнями, балладами и романсами на стихи Вегина, Грушко, Рецеттера. Вдруг стало очевидно, что Александр Данилов обладает абсолютным слухом на слово, а мелодии не повторяют друг друга – при общем узнаваемом стиле автора, которому особенно удаются изысканные полутона и тончайшие переходы из одной тональности в другую (в чем «грусти есть невыразимый тон»).

В музыкальном творчестве Данилова уже сложились и складываются целые циклы – «волошинский» и др.; их коллективным исследователем и рецензентом является пока тонкий элитный слой – профессора и студенты столичных вузов, дипломаты, ученые, актеры. Хотелось бы – особенно при агрессивных попсовых «зайках» и ихних «мадамах Брошкиных», – чтобы к творчеству Александра Данилова прониклись пониманием родственные души и из других слоев российского общества. Сама атмосфера концертов такова, что «галактика Данилова» постоянно расширяется: сегодня он продолжает работать над «бунинским циклом» (возможно, это будет вообще новый пласт в творчестве Данилова – русская эмигрантская поэзия) и подготовил очередной диск. В него войдут и новые вещи: «Любите живопись, поэты!» на стихи Заболоцкого, романс на стихи Рубцова «В минуты музыки печальной...», а также романс на стихи Рецеттера «Оставь меня на крайний случай...».

Вопреки всему мы имеем сегодня второе пришествие русского романса – и есть надежда, что он вернется в широкие массы, в народ из подполья, куда загнала его, как редкого зверя из Красной книги, всеильная и наглая попса.

Впрочем, есть своя прелесть и в том, что можно любить русский романс «тайно» и тайно же посещать эту Галактику, ибо необходимо сознавать, что, когда все продано и предано, как писала Ахматова, твоя некоммерческая любовь к этому редкому гостю тоже есть форма существования особо упрямых белковых тел.